

RU

Функциональная роль границы в жанровой традиции романа воспитания (на материале модернистской прозы 1910-1920-х гг.)

Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П.

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию феномена границы в прозе русского модернизма 1910-1920-х гг. (романах «Петербург» А. Белого, «Мы» Е. Замятина и повести «Детство Люверс» Б. Пастернака), что позволяет определить его функциональную роль в жанровой структуре романа воспитания. Целью исследования является выявление функциональной роли феномена границы. Научная новизна определяется тем, что впервые явление границы рассматривается как принципиально значимый структурный компонент романа воспитания, определяющий стадийное развитие личности героя. В результате, во-первых, с опорой на исследования Ю. М. Лотмана были выявлены типы границ, репрезентированные в модернистской прозе 1910-1920-х гг., тяготеющей к традиции Bildungsroman (пространственные, общественные (социальные) / семейные, эсхатологические, этические, психологические, пороговые границы). Во-вторых, было установлено, что граница является принципиально значимым структурным элементом жанра романа воспитания, способствующим стадийному постижению протагонистом себя и мира: посредством преодоления границ как устойчивого признака Bildungsroman воплощается обретение героем собственного «я», программа его воспитания.

EN

Functional role of a boundary in the genre tradition of the Bildungsroman (based on 1910s-1920s modernist prose)

Osmukhina O. Y., Ovsyannikova E. P.

Abstract. The paper studies the phenomenon of a boundary in the Russian modernist prose of the 1910s-1920s (in the novels “Petersburg” by A. Bely, “We” by Ye. Zamyatin and the novella “The Childhood of Lovers” by B. Pasternak), which makes it possible to determine its functional role in the genre structure of the Bildungsroman. The aim of the research is to identify the functional role of the phenomenon of a boundary. Scientific novelty is accounted for by the fact that the paper is the first to consider the phenomenon of a boundary as a structural part of the Bildungsroman determining the gradual development of the hero’s personality. As a result, firstly, based on Yu. M. Lotman’s research, the types of boundaries represented in the modernist prose of the 1910s-1920s gravitating towards the Bildungsroman tradition (spatial, public (social) / familial, eschatological, ethical, psychological, threshold boundaries) were revealed. Secondly, it was found that a boundary is a fundamentally significant structural element of the Bildungsroman genre contributing to the protagonist’s gradual understanding of themselves and the world: the hero’s acquisition of their own “self” and the program of their education are embodied by overcoming boundaries as a consistent feature of the Bildungsroman.

Введение

Общеизвестно, что в литературоведческой, культурологической, семиотической традициях изучение феномена границы связано прежде всего с именем Ю. М. Лотмана (1996, с. 175), причем в концепции семиотики культуры ученого это понятие было введено в качестве одного из основополагающих механизмов, регулирующих внутреннее пространство семиосферы. По мнению исследователя, «фактически все пространство семиосферы пересечено границами разных уровней, границами отдельных языков и даже текстов» (Лотман, 1996, с. 185). Таким образом, в семиотическом пространстве граница не только является своего рода «фильтрующей мембраной», трансформирующей чужую, инонациональную культуру на собственную почву, но и маркирует внутреннее пространство как организованное, вопреки внешнему – дезорганизованному.

В литературоведческих работах Ю. М. Лотмана (1970; 1996) феномен границы рассмотрен в контексте изучения проблемы сюжета и художественного пространства произведения. Так, в структуре художественного

мира исследователь называет границу «основным типологическим признаком этого пространства» (Лотман, 1996, с. 211). Ю. М. Лотман отмечает, что препятствия, которые концентрирует в себе граница, одновременно являясь частью ее. Этот пассаж в размышлениях ученого особенно значим, на наш взгляд, для жанровой традиции романа воспитания, поскольку процесс воспитания героя, как правило, представляет собой ряд испытаний (в данном случае – пересечений той или иной границы), трансформирующих его личность.

Весьма примечательна, кроме того, следующая мысль Ю. М. Лотмана, которая, на наш взгляд, органично сопрягается с законами построения жанра романа воспитания: «Преодолев границу, действительность вступает в семантическое “антиполе” по отношению к исходному. Для того чтобы движение остановилось, он должен с ним слиться, превратиться из подвижного персонажа в неподвижный. Если же этого не происходит, сюжет не закончен и движение продолжается» (1970, с. 291-292). «Подвижность» персонажа как маркированный признак романа воспитания была отмечена еще М. М. Бахтиным, который утверждал, что «именно изменение самого героя» (1986, с. 209) приобретает в этом типе романа сюжетное значение. Потому динамика развития героя обуславливается именно пересечением границ, тем самым определяя стадиальность формирования личности протагониста, и длится вплоть до того момента, пока он окончательно не сольется с «антиполем», то есть воспитается в рамках заданной тем или иным автором программы. Таким образом, становится очевидно: именно преодоление является движущей силой развития личности персонажа в романе воспитания, в связи с чем актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью пристального осмысления феномена границы в контексте жанровой традиции романа воспитания, что позволит выявить специфику Bildungsroman.

Задачами настоящего исследования стали следующие: выявление специфики феномена границы; вычленение ключевых типов границы в отечественной модернистской прозе 1910-1920-х гг.; осмысление их функциональной роли.

Теоретическую базу нашего исследования составляют работы, посвященные, во-первых, осмыслению традиции романа воспитания (Бахтин, 1976; 1986; Демченкова, 2001; Диалектова, 1972а; 1972b; Осьмухина, Овсянникова, 2023b; Пашигорев, 2005; Садриева, 2007; Сарана, 2018); во-вторых, явлению границы (Лотман, 1970; 1996). Особую значимость, кроме того, имели исследования, освещающие те или иные аспекты отечественного модернистского романа начала XX в. и непосредственно затрагивающие творчество А. Белого, Б. Пастернака, Е. Замятина (Лавров, 2007; Мун Чжун Ил, 2007; Осьмухина, Овсянникова, 2023а; Полякова, 2022; Сконечная, 2015; Скороспелова, 2002).

Материалом исследования явились повесть Б. Пастернака «Детство Люверс», романы А. Белого «Петербург» и Е. Замятина «Мы» (Белый А. Собрание сочинений: в 14-ти т. М.: Дмитрий Сечин, 2021. Т. 2; Замятин Е. И. Мы. М.: Эксмо, 2023; Пастернак Б. Л. Детство Люверс; Охранная грамота. М.: Время, 2018). С целью сравнительно-сопоставительного анализа факультативно привлекался роман Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Ладомир; Наука, 2003).

Ключевыми методами явились: метод целостного анализа художественного произведения, позволивший проанализировать специфику феномена границы в его неразрывной связи с жанровой природой и персонажной системой Bildungsroman; типологический, благодаря которому были выделены типы границы, воплощенные в отечественной модернистской прозе, тяготеющей к традиции романа воспитания; сравнительно-исторический, с помощью которого были сопоставлены классический Bildungsroman и модернистские романы, тяготеющие к традиции романа воспитания.

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных общим вопросам теории жанра, жанровой специфике романа воспитания, а также непосредственно творчеству Б. Пастернака, А. Белого, Е. Замятина.

Обсуждение и результаты

Феномен границы в жанровой структуре романа воспитания мы будем понимать как структурный элемент, организующий стадийное развитие персонажа. Рассмотрим различные типы границ, которые реализуются в традиции романа воспитания, акцентируя особое внимание на отечественных романах начала XX в.

Во-первых, *пространственные границы*. Роман воспитания в классическом варианте (например, дилогия о Вильгельме Мейстере И. В. Гёте, «История Агатона» Х. М. Виланда, «Странствия Франца Штернбальда» Л. Тика, «Генрих фон Офтердинген» Новалиса) знал героя-странника, а также схему сюжетостроения, согласно которой герой в юном возрасте покидал родной дом (чаще – город), расширяя тем самым пространственные границы мировосприятия. При этом странничество в просветительской традиции носит характерный для эпохи в целом оттенок рациональности, в то время как для романтиков странствие является принципом жизни, залогом бесконечного томления и духовного поиска. Так, этот принцип вербализован Генрихом фон Офтердингеном в одноименном романе Новалиса, который в разговоре с Сильвестром отмечает, что «путешественники среди людей... выделяются своей сообразительностью, необычными дарованиями» (2003, с. 101).

В романе воспитания расширение пространственных локусов осуществляется посредством нарушения героем границы, их связывающей; освоение мира происходит стадийно и подчинено основным этапам развития героя: из замкнутого детского мирка – в большой, насчитывающий не один локус мир. Так, Агатон у Х. М. Виланда сменяет пять городов – Дельфы, Коринф, Афины, Сиракузы, пока не находит себя в общественной деятельности в Таренте; Франц Штернбальд в романе Л. Тика на пути своего становления оказывается в различных географических топосах (Нюрнберг, Лейден, Антверпен, Флоренция, Рим).

В романах XX столетия, отражающих жанровую традицию романа воспитания, сюжетная событийность утрачивает свое первоначальное значение, а потому пространственные границы перестают быть движущей силой в воспитательном процессе героя.

В-вторых, *общественные (социальные) / семейные границы*. Этот тип границ непосредственно связан с предыдущим, немислим без него. Расширение общественных границ может осуществляться исключительно в тесной связи с выходом героя из замкнутого семейного пространства в пространство социума. Этот тип границ реализуется в романах «История Агатона» Х. М. Виланда, «Жизнь Дэвида Копперфилда» Ч. Диккенса, а также в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова, трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность».

В отечественной литературе начала XX в. границы такого типа явственно представлены в повести Б. Пастернака «Детство Люверс», в жанровом отношении тяготеющей к традиции Bildungsroman. Главная героиня Женя Люверс в своем взрослении пересекает не только и не столько пространственные границы (переезд из Перми в Екатеринбург), сколько семейные. О дружбе Жени с кем-либо в Перми неизвестно ничего, в то время как переезд в другой город обозначил ее первые дружеские отношения. Таким образом, «выход» из замкнутого локуса дома в романе происходит не столько в связи с расширением пространства, сколько с пересечением семейной границы – мир героини, до некоторых пор ограничивающийся общением с братом, гувернанткой и изредка – родителями, расширяется с появлением новых отношений – дружбы. Это приводит к тому, что Женя впервые сталкивается с незнакомым чувством ревности: «Ни Женя, ни Лиза ничем решительно друг на друга не влияли, и Женя Женей, Лиза Лизой, они встречались и расставались, та с сильным чувством, эта – безо всякого» (Пастернак, 2018, с. 57). Немаловажно и то, что впервые Женя осмысливает свою привязанность к матери и переживает «ощущение женщины, изнутри и внутренне видящей свою внешность и прелесть» (Пастернак, 2018, с. 85), находясь в гостях у Дефендовых. Происходит это именно вне семейной границы, в «чужом» пространстве. Здесь же она переосмысливает и свое отношение к самой Лизе: «Женя поразилась, как могла она раньше думать, что любит девочку, смех которой раздаётся рядом и так далек, так не нужен ей» (Пастернак, 2018, с. 85). Внезапное озарение – и прозаик уже показывает героиню, идущую «не своей, изменившейся походкой, широкой, мечтательно разбросанной и новой» (Пастернак, 2018, с. 86).

Говоря о социальных границах, необходимо сделать еще одно немаловажное замечание. Классическая модель романа воспитания предполагала воспитание протагониста в духе его социализации – расширение его сознания от частного к общему и жизненного пути от крайнего индивидуализма к обществу. В то время как, например, модернистские романы «Мы» Е. Замятина и «Петербург» А. Белого транслируют иную «программу» формирования личности: уход от социума. Если в первом случае происходит нарушение границ с целью социализации, то во втором – расставление границ, ограждение собственного «я», личности от посягательств общества. Николай Аполлонович Аблеухов («Петербург») на протяжении всего романа движется от социума к уединению: еще недавно блестящий молодой человек, бывающий в компании С. Лихутиной, посещающий тайные собрания, он первоначально ограничивает себя стенами комнаты, в которой проводит большую часть времени, изредка появляясь в обществе в нелепом костюме Красного Домино, затем и вовсе порывает какие-либо связи с социумом, углубляясь в мозговую игру. Именно уход от внешнего мира и переход в мир внутренней осуществляются через проведение четкой границы между ними – разрывом каких бы то ни было связей с прежней жизнью: любовь, увлечения, дружба – все остается за рамками внутреннего мира Николая Аполлоновича, остается лишь осознание того, что «он – отъявленный негодяй!» (Белый, 2021, с. 331), «он свою, родную плоть – ненавидел; а к чужой – вожделел» (Белый, 2021, с. 350). Как справедливо отметила О. Ю. Сконечная, «здесь, внутри “я”, разворачивается конфликт “Петербурга”» (2015, с. 128). Спустя восемь лет он остается верен избранному пути: «В 1913 году Николай Аполлонович продолжал еще днями расхаживать по полю, по лугам, по лесам <...>. Жил одиноко он; никого к себе он не звал; ни у кого не бывал» (Сконечная, 2015, с. 445).

В романе Е. Замятина «Мы» уход от социума, претендующего на тотальный контроль за «номерами», а rigid лишенными индивидуальности, является инвариантом архетипа инициации – по мере обретения души Д-503 обнаруживает пустоту и искусственность идеологии Единого Государства, признание в себе иррационального корня, своей неповторимости и уникальности. Пробуждение личного сознания в Едином Государстве считается болезнью, тем не менее после церемонии сошествия с небес Благодетеля в дневнике Д-503 появляется запись, в которой он впервые отделяет «я» от «мы»: «Мне за них стыдно, больно, страшно. А впрочем, кто “они”? И кто я сам: “они” или “мы” – разве я знаю?» (Замятин, 2023, с. 117). Но уже за Зеленой Стеной, прославляемый толпой накануне запуска Интергала, он совершенно ясно ощущает себя «единицей»: «Это было необычайно странное, пьяное: я чувствовал себя над всеми, я был я, отдельное, мир, я перестал быть слагаемым, как всегда, и стал единицей» (Замятин, 2023, с. 126). Таким образом, герой, ощущая свою индивидуальность, создает собственные личностные границы. Очевидно, что и в «Петербурге» А. Белого, и в «Мы» Е. Замятина происходит выстраивание, но не пересечение социальных границ, уход от общества, но не социализация.

В-третьих, *эсхатологические границы*. Этот тип границы наиболее ярко реализуется в романах XX в. Осознание конечности бытия является одним из этапов разрушения детских иллюзий. Так, в «Детстве Люверс» Женя в разговоре с Диких догадывается, что его погибший друг – и есть Хромой. Впервые она сталкивается со смертью того, кого знала и видела. Даже преждевременные роды матери и смерть новорожденного не пугают ее настолько – она до конца не осознает потерю, потому что никогда не видела брата, все произошедшее так и останется для нее рассказом, услышанным от Диких. Но Цветков – иное: его она видела, для нее он вполне осязаем. Пусть эти встречи были мимолетны, всего несколько раз, однако эта смерть для Жени оказалась ошутимее и реальнее. Смерть обозначила решающий этап взросления Люверс, преодолев который она претерпевает метаморфозу, не случайно теперь Диких видит перед собой «маленькую женщину».

В «Петербурге» А. Белого Николая Аполлоновича ждала несколько иная встреча со смертью. Он переживает не чужую смерть, но собственное духовное умирание – свой Страшный Суд. Кроме того, посредством мозговой игры он в мельчайших подробностях дважды переживает убийство отца. Впервые эсхатологическую границу он переступает в момент мысленного убийства отца после известия о приезде матери, Анны Петровны, накануне Страшного Суда: он еще не пережил символическую духовную смерть, но уже стоит на пороге ее. Убийство Аполлона Аполлоновича он осуществляет собственными руками, наблюдая за собой – «негодяем» – со стороны: «...вдруг ему представился негодяй; лязгнули в пальцах у этого негодяя блиставшие ножницы, когда негодяй этот мешковато бросился простригать сонную артерию костлявого старикашки... и вонючая липкая кровь облила и пальцы, и ножницы, старикашка же – безбородый, морщинистый, лысый – тут же заплакал навзрыд и вплотную уставился прямо в очи его...» (Белый, 2021, с. 232). Второе мысленное убийство настигает его в пролетке по пути в квартиру Сергея Сергеевича Лихутина: на этот раз Николай Аполлонович в красках и некоторых анатомических подробностях переживает взрыв сардинницы в комнате отца: «...но... берцовая кость? Почему именно она уцелела, не прочие части?» (Белый, 2021, с. 347). Казалось бы, предстоящее объяснение с возмущенным мужем не должно было породить в голове Николая Аполлоновича каких-либо мыслей относительно бомбы, однако сошествие в ад для него уже состоялось, а значит, воскрешение личности возможно только через признание своего духовного уродства. Мысленно убивая отца во второй раз, созерцая «ту же все темно-красную липкость, которая шлепнула сюда после громкого звука», представляя, как он пойдет за катафалком «с видом невинного ангела», обдумывая, какие он будет давать показания и кого обвинят, герой приходит к выводу: «К отцеубийству присоединялась тут ложь, присоединялась и трусость; но то главное – подлость»; «души-то, стало быть, не было» (Белый, 2021, с. 349). В этом признании самому себе переход через эсхатологическую границу для Николая Аполлоновича имеет решающее значение: не иначе как пережив свою символическую смерть и мысленное убийство отца, он смог осознать собственную духовную ущербность.

Четвертым типом нам представляются *этические границы*. Этические границы связаны с нравственным вызовом, который либо только зарождается в сознании героя, либо реализуется им в действии. Пересечение этой границы составляет основную воспитательную ступень в развитии личности протагониста и включает в себе главный конфликт того или иного произведения. Так, в «Петербурге» А. Белого Николай Аполлонович пересекает этическую границу в тот момент, когда соглашается подбросить бомбу своему отцу. Пересечение это оказывается для него самого столь болезненным, что приводит его к духовной смерти. В замятинском «Мы» Д-503, обретая свою душу и индивидуальность через дар творчества и любви, отделяясь от массы, бросает вызов системе – Единому Государству, в котором любое проявление свободомыслия – государственное преступление. Кульминацией этого процесса является неудачная попытка захвата Интеграла. Герой пересекает черту дозволенного, и в этом отчаянном бунте он все более очеловечивается. Как и в «Петербурге», в романе Е. Замятина путем пересечения этической границы осуществляется основной сюжетный конфликт и складывается воспитательная программа героя.

Пятый тип – *психологические границы*. Говоря о психологических границах в романе воспитания, необходимо иметь в виду не только какую-либо ступень развития героя, но и сам процесс формирования личности, и уже – его итог. В романе начала XX века событийность, как известно, уходит на второй план, актуализируя внимание автора к внутреннему миру героя, а потому весь процесс трансформации следует уже не социальной или эстетической программе, как это наблюдалось у просветителей и романтиков, но обретает психологическую направленность. Черта между «до» и «после», между *tabula rasa* и зрелой личностью, способной к принятию осознанных решений, – это та крупная граница, которая особенно ярко проявляется в романах XX в. Так, Женя Люверс, дерзко отказывающаяся «отвечать Лермонтова» Диких, – уже не та Женя, сонно глядящая на огни Мотовилихи; Николай Аполлонович, мерно расхаживающий среди полей, – не тот молодой человек, потерянный и мечущийся между ненавистью и жалостью к отцу; Д-503, сознательно соглашающийся на операцию, – уже не восторженный инженер, не знающий альтернатив. Так или иначе герои пересекли психологическую границу взросления.

Наконец, принципиально значимым типом оказываются *пороговые границы*. Если все предыдущие типы границ в жанровой модели романа воспитания могут быть нерегулярными или необязательными, то мотив порога – неперемный структурный элемент. Эта граница обыкновенно представлена в романах как момент коренного изменения героя. В романах XX столетия это, как правило, пиковая точка воспитательного пути протагониста, преодолев которую он транслирует итог своего становления. Так, в «Детстве Люверс» пороговая граница сливается с эсхатологической – смерть Цветкова, которого она ввела в жизнь семью одним взглядом, формирует в ней женщину. В «Петербурге» – Страшный Суд – пиковая точка нисходящего пути Николая Аполлоновича, «точка невозврата», его символическая смерть. В замятинском «Мы» – признание реальности ирреального мира, момент, когда Д-503 ставит иррациональный корень наравне с *ratio*. Преодоление этих пороговых границ является маркером трансформации личности героя, при этом стадий, подготавливающих этот переход на пути его становления, может быть множество.

Заключение

В связи со всем, сказанным выше, мы пришли к следующим выводам. Как следует из типологического анализа, границы, реализующиеся в жанровой модели романа воспитания, могут пересекаться между собой. Так, эсхатологическая граница символической смерти Николая Аполлоновича одновременно выступает как пороговая граница. Те же границы сливаются между собой и в «Детстве Люверс» Б. Пастернака. Социальные

границы в романе Замятина «Мы» пересекаются с этическими. Психологические же границы охватывают весь процесс формирования личности.

Так или иначе, феномен границы как структурного элемента в жанровой традиции романа воспитания, на наш взгляд, обязателен. Преодоление границ является принципиальным условием в воспитательной программе протагониста. При этом в романах XX в. типология границ расширяется в связи с пристальным вниманием прозаиков к внутреннему миру героя.

Перспективой исследования может стать, с одной стороны, дальнейшее изучение специфики воплощения типов границ в отечественной модернистской прозе («Козлиная песнь», «Труды и дни Свистонова» К. Вагинова, «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» В. Каверина, «Zoo. Письма не о любви, или Третья Элоиза» В. Шкловского и др.); с другой стороны, весьма продуктивной для понимания специфики литературного процесса первой половины XX в. в целом и модернистской прозы в частности, где граница выполняет жанрообразующую функцию в романе воспитания, может оказаться примененная нами методологическая модель и при анализе других, близких по времени создания отечественных Bildungsroman.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Искусство, 1976.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Изд-е 2-е. М.: Искусство, 1986.
3. Демченкова Э. А. «Подросток» Ф. М. Достоевского как роман воспитания: жанр и поэтика: дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2001.
4. Диалектова А. В. Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи Просвещения. Саранск: Изд-во СГПИ, 1972а.
5. Диалектова А. В. Воспитательный роман Х. М. Виланда «История Агатона»: дисс. ... к. филол. н. М., 1972b.
6. Лавров А. В. Андрей Белый: разыскания и этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
9. Мун Чжун Ил. Жанровая проблематика и поэтика романа Евг. Замятина «Мы»: дисс. ... к. филол. н. М., 2007.
10. Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П. Специфика изображения взросления героини в «Детстве Люверс» Б. Пастернака // Пушкинские чтения – 2023. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: мат. XXVIII междунар. науч. конференции / отв. ред. Т. В. Мальцева. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023а.
11. Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П. Специфика хронотопа романа В. Каверина «Два капитана» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023b. Т. 16. Вып. 2.
12. Пашигорев В. Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII-XX веков. Генезис и эволюция: дисс. ... д. филол. н. Ростов н/Д, 2005.
13. Полякова Л. В. Проза Е. И. Замятина: историософские искания художника. Тамбов: Державинский, 2022.
14. Садриева А. Н. Трансформация западноевропейского романа воспитания в культурном контексте современности: дисс. ... к. культ. Екатеринбург, 2007.
15. Сарана Н. В. Традиция английского романа воспитания в русской прозе 1840-1860-х годов: дисс. ... к. филол. н. М., 2018.
16. Сконечная О. Ю. Русский параноидальный роман: Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
17. Скороспелова Е. Б. Замятин и его роман «Мы». М.: Изд-во МГУ, 2002.

Информация об авторах | Author information



Осьмухина Ольга Юрьевна¹, д. филол. н., проф.

Овсянникова Екатерина Павловна²

^{1,2} Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск



Osmukhina Olga Yurievna¹, Dr

Ovsyannikova Ekaterina Pavlovna²

^{1,2} National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk

¹ osmukhina@inbox.ru, ² ovsyannikova-kate@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.11.2023; опубликовано online (published online): 12.01.2024.

Ключевые слова (keywords): русская модернистская проза XX века; символизм; роман воспитания; традиция; феномен границы; Russian modernist prose of the 20th century; symbolism; Bildungsroman; tradition; phenomenon of a boundary.